

21.5.02

Борис Васильев

— Борис Львович, должна ли быть у государства четкая культурная доктрина?

— Культура — это самовыражение нации, и государству здесь делать нечего. Что сделали большевики? Они уничтожили обе культуры прежней России. В России начала века не было единого культурного материка, он не успел сложиться. Потому что его складывает буржуазия, которой безразлично, кто вы по происхождению, главное, чтобы голова хорошо варила. Но в России буржуазия не успела окрепнуть. Большевики уничтожили крестьянство и церковь с одной стороны, дворянство и интеллигенцию — с другой: самой базы-то не было создавать культуру! И победил обыватель, ведь он бессмертен, как клоп. И сейчас он захватил все. Думу, телевидение, газеты, кинематограф, что хотите. Это опасно для страны.

Я говорю не о классовом составе. Обывателем может быть кто угодно. Обыватель опасен тем, что он всегда индивидуалист. У него нет представления о коллективе. Он интересуется собой, семьей, карьерой, максимум — родственниками или узким кругом друзей. Скажем, наше правительство много лет строится по принципу землячества, а не по принципу деловых качеств. Был у власти Брежнев — днепрпропетровцы, Ельцин — свердловцы, Путин — петербуржцы. Им это ближе, понятнее. Так что о культуре говорить не приходится.

— Нам остается только ждать?

— Ждать нам особенно нечего. Вымрем все, и только поколения через три люди начнут строить культуру. Дело в чем? Если государство обеспечивает вам образование, то воспитание, культуру обеспечит только семья. И больше никто.

К тридцати годам человек забывает, что нужно заботиться о культурных ценностях. Его увлекают карьера, деньги, заработок... Особенно сейчас, когда подавляющая часть населения — нищая. Отсюда — рост криминала, потому что нет сдерживающего пласта культуры.

Культура — это не искусство, культура — это мораль и право общества. Морали у нас нет. Никакой. Потому что нельзя назвать моралью «укради». Это нехорошо. Хотя крадут все. Или почти все. Право? У нас до сей поры нет толкового суда. В России до революции был лучший суд в мире: адвокаты были куда знаменитее, чем писатели, артисты или художники. Их знали все, их речами упивались, их слушали, их читали, их издавали. Сейчас на них никто не обращает внимания. Адвокат в понимании обычного человека — это тот, кто передает взятку судье. И больше ничего.

Сейчас народ полностью утратил смысл собственного существования. Он не понимает, что должен делать. Во имя чего жить. А русскому человеку по своей природе без идеи обходиться трудно. Он романтичен. Хоть любую идею дай, даже самую безнадежную... Большевики дали идею идиотскую «грабь награбленное», упрощенное от «изъятие ценностей», вот и награбили все, что можно. А дальше что? Ничего. Единственное, что может сделать власть, это укрепить право. Она этим не занимается. Судьи до сей поры зависят от мест, где живут. Квартиры дает местная администрация, школы, дальнейшее образование — тоже местная... Да я мгновенно тебя зажму, если ты мне что-то не сделаешь! Один звонок — и все в порядке, и ты мне сделаешь, как надо.

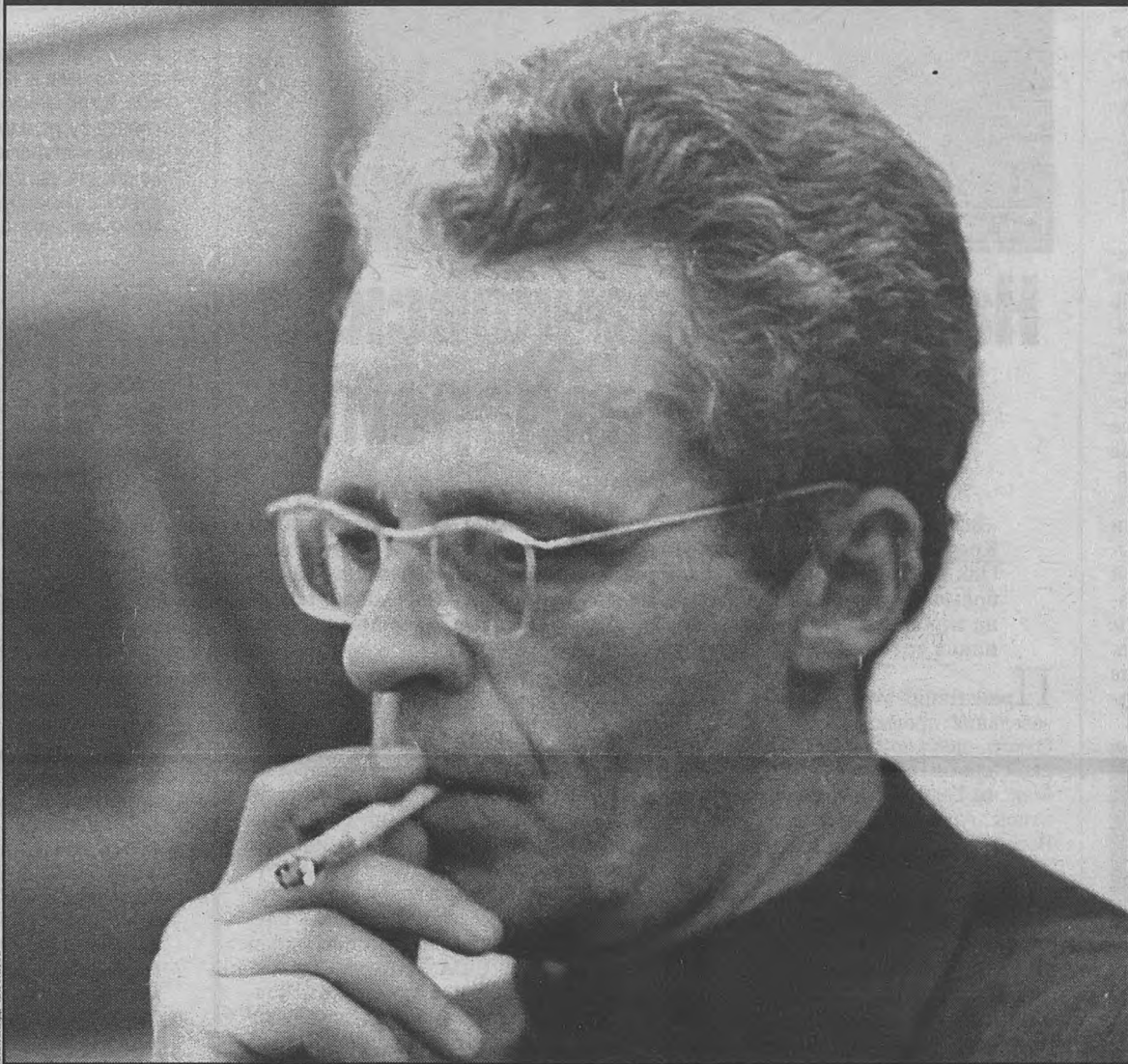
Слава богу, мы сейчас создали Конституционный суд. Хотя бы его. Он действительно независим. Во-первых, несменяемость — всю жизнь, во-вторых, полное гособеспечение, он независим ни от квартир, ни от чего!... С вами и разго-

Борис Васильев:

«Государству нечего делать в культуре»

Сегодня легендарному писателю, автору повестей «А зори здесь тихие», «Завтра была война», участнику Великой Отечественной войны Борису Львовичу Васильеву исполняется 78 лет.

Ян Смирнинский

варивать не будут, только через администрацию президента. Уже что-то.

— То есть какие-то подвижки сверху начались?

— Слава богу, да. Путин право знает, он кончал Высшую школу КГБ, а там право учат, чтоб не арестовывать зазря. Но все это требует денег. Россия — этакий неповоротливый бронтозавр. Прожить в России гораздо дороже, чем где бы то ни было в мире, по чисто климатическим условиям: мы должны есть более калорийную пищу, мы должны строить более теплые жилища, должны теплее одеваться, все это вместе накладывается на бюджет. Кроме того, русские люди выросли с комплексом пограничников в душе. Мы всегда ищем врагов. Американцы? Китайцы? Это данность, с которой надо мириться.

— А чувство народа?

— И оно воспитывается в семье, хотя я не люблю слова «народ». Есть население, которое в России очень разное. По происхождению мы — метисы, скажем, русские — это потомки двух этнических ветвей: угрофиннов и славян. Поэтому в той старой, благословенной России была подчеркнута интернациональная политика. Не на словах, а на деле. Та Россия присоединяла к себе территории, но они не были колониями в привычном понимании, там не трогали местную власть. Сажали своего представи-

Генералы подмяли под себя Путина. Он их боится. Потому что у них — реальная сила. И Путин боится лишиться этой силы

теля, который контролировал действия местных властей. Бухарское ханство, Хивинское ханство, Великое княжество Финляндское — все имели самостоятельность. В старой России в полицейских документах никогда не прописывалась национальность. Только вероисповедание. Национальность ввели

большевики для разделения населения по мастям. Очень удобно: разделяй и властвуй — старый девиз римских завоевателей.

В России слово «патриот» было ироническим словом. О нем писали только с насмешкой. Потому что не слова твои важны, а дела. Был долг. Долг перед государем. Всё. Если война — значит, война: пожалуйста, проявляй патриотизм. А быть патриотом на площадях — глупо! Это крик, ничего за собой не несущий. А быть националистом в России преступно! Значит, всех других ты считаешь ниже себя? Мы так развалим страну! Но правительство с этим не борется, милиция — тоже!.. Сколько сообщений появляется: избили желтого студента, убили коричневого студента, а милиция все это называет хулиганством. Какое хулиганство?! Найдите того, кто всем этим заправляет, и примерно накажите. Власть надо показать. Власть. В патриоты можно записаться, это так просто. А в элиту не запишешься: работать надо.

— Верно ли то, что для каждого поколения своя война?

— Война в Чечне — война бесмысленная, жестокая, ненаказуемая. Она готовит не только жертв, но и преступников. Там приучают убивать, а потом готовый убийца возвращается сюда. Сейчас человека дешевле убить, чем похоронить. За жизнь дают от нескольких десятков до нескольких тысяч долла-

ров, в зависимости от веса дичи. Первая чеченская война была развязана по недомыслию. Потому что нами правят люди, которые не знают, что такое история войны на Кавказе. Мне кажется, в свое время личные помощники нажужжали Ельцину про чеченскую нефть, ее не надо бурить. Кто-то сыграл тогда на этой нефти.

Вторая война была затеяна ФСБ, для того чтобы Путину дать карту. Вот он — защищает наши интересы бьет черных. А это звучит для обывателя: о! так им, так!!! В результате мы получили войну, в которой нет никакого смысла, кроме крови и бессовестности. Там не террор, там — партизанская война. А она не знает пощады. А террор допустим в ходе партизанской войны. Наши партизаны в годы Великой Отечественной занимались террором. Ой-ой-ой как, а чеченцы почему-то не имеют права это делать? Ты нас грабишь? Ты убиваешь наших сыновей? Ты насилуешь наших женщин? Все средства хороши для борьбы с тобой. Все решительно! Поэтому обвинять их я не берусь. Я во всех своих статьях и выступлениях защищаю чеченцев, как только могу. Оттуда надо уходить. Но еще Наполеон сказал, что развязать войну может любой садовник, а чтобы выйти из нее, надо быть талантливым человеком. А талантливых людей у нас нет.

Генералы подмяли под себя Путина. Он их боится. Потому что у них — реальная сила. И Путин боится лишиться этой силы. А что с армией творится? Я — сын потомственных офицеров, у меня все предки — офицеры. С двух сторон: с материнской и с отцовской. Да когда такого не было, как сейчас: нищета, воровство, ужас, что творится! Я сам участник войны. И я стыжусь современной армии. Чечня — это позор для русской армии. В 1828 году генерал Ермолов, знаменитый покоритель Кавказа, приехал в Петербург, где его принял император Николай Павлович. Доложив обстановку, Ермолов сказал: «Государь, я принял решение не воевать с Чечней. Это хорошие воины. Горные тропы нам неизвестны. Они занимают перевалы и просто расстреливают наших солдат. Без вашего разрешения я вывел солдат из Чечни и окружил ее кольцом. Пусть живет как хочет». Ермолов был разумным человеком. А чеченцы... Это абреки, их традиционным занятием было брать заложников и просить за них выкуп. По этому поводу на Кавказе не удивляются: так они живут, ну что делать?

— Какова роль религии сегодня?

— Я атеист, что вполне естественно. Все офицеры — атеисты. А то, что там помахиывают венчиком, — это ерунда. Когда твоя профессия — убивать, венчик тебе не поможет. Абсурд. И смешно делается и противно. Сегодняшнюю позицию Православной церкви я считаю ошибочной. Она возомнила себя главной, а главных церквей не бывает. Она может быть самой массовой, но не главной. В Церкви — равенство конфессий. Равенство. Так нет: они захватывают территории, покупают церкви, машут своим крестом... Что ж вы всех насильно своим венчиком окропаете? Это же наплевательское отношение к религиям других народов! Наша наглая напористость опасна. Чисто обывательская штука: раз за мной сила, я буду наглым.

Чудовищно: Церковь занимается распространением наркотиков, имея право на беспощадную торговлю спиртным и сигаретами. Да, исторически мы выбрали византийское право, а не римское. В римском праве в центре внимания стоит гражданин, в византийском — государство. Очень опасно иметь в начале третьего тысячелетия византийское право со всем этим православием.